

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук

МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И ВАРВАРСТВОМ

В последнее десятилетие в литературе, посвященной общественным проблемам, сначала тихо, почти неслышно, а затем все громче и громче зазвучал новый термин: архаизация.

В переводе с политкорректного на русский – деградация, скатывание в, казалось бы, навсегда канувшее в Лету прошлое, возвращение средневекового общественного устройства, которому, оказывается, отнюдь не мешают современные технологические достижения.

Это опровержение казавшейся незыблемой идеи неуклонного прогресса человечества, – как технологического, так и особенно социального, – кажется дикостью и безумием, однако наглядные примеры налицо в самых разных сферах общественной жизни.

1. Прощай, образование!

Более всего бросаются в глаза изменения в сфере образования. Не только в нашей стране – во всем мире система, призванная формировать нацию, вырождается в вульгарный инструмент социального контроля. *(Соответственно, и наука, являющаяся естественным продолжением системы образования, вырождается в набор все более сложных ритуалов и в средство поддержания нового социального слоя, все реже называемого “учеными” и все чаще – “научными работниками”.)*

Строго говоря, система образования является основным инструментом не только обучения, но в первую очередь воспитания молодежи и, таким образом, способом, которым общество непосредственно воссоздает себя в будущем.

На этом фоне официальные заявления, раздающиеся в самых разных относительно развитых странах о том, что система образования призвана не более чем готовить квалифицированных специалистов (несмотря на важность этой задачи), являются свидетельством ее деградации, происходящей при полном одобрении управляющих систем и элит*.

* “Впереди планеты всей”, как обычно, шагают российские либеральные реформаторы. Так, министр образования Фурсенко заявил о том, что главная задача системы образования России – подготовка “квалифицированного потребителя”... Он же с гордостью заявил, бессознательно подводя промежуточные итоги своих усилий, что “наши студенты ничуть не хуже наших машин” (имелись в виду легковые автомобили российского производства).

Однако на деле ситуация еще хуже: системы образования по всему миру все в большей степени превращаются в средство подготовки максимально удобного для управления “человеческого полуфабриката”. Этот “социальный материал” адаптирован к официальной пропаганде во всех ее видах и практически не способен к критическому восприятию авторитетных мнений, не говоря уже о самоорганизации ради защиты своих интересов.

Выразительный пример: российский эмигрант, преподавая в американской школе (справедливости ради надо отметить, далеко не в самом благополучном районе), дал старшеклассникам задание написать сочинение о том, почему Америку называли Америкой.

То, что об Америго Веспуччи не знал ни один, его не удивило.

Потрясением стал ответ примерно 30% учеников, в разных вариациях сводившийся к тому, что Америку называли Америкой потому, что “это земля свободы”.

Мысль о том, что когда-то слова “Америка” и “свобода” не были синонимами, просто не помещалась в их головы.

Способность к самостоятельному мышлению была ампутирована начисто: весь процесс мышления свелся к механическому перебору незначительного числа стереотипов.

Европа, окончательно не растратившая возрожденческого порыва к Знанию, встречает Болонский процесс, насаждаемый всей мощью брюссельской бюрократии, массовыми протестами преподавателей, студентов и школьников от Франции до Греции. Многократно выступали против него и преподаватели швейцарского Сент-Галленского университета, избранного для его приоритетной реализации.

Причина проста: ориентация на максимальную формализацию знаний при помощи унифицированной системы тестов существенно снижает качество знаний (особенно в слабо формализуемых гуманитарных науках), стимулируя зазубривание и отучая студентов от самостоятельных размышлений. С другой стороны – и это не менее важно – предусматривая приватизацию системы высшего образования и устанавливая исключительно платное магистерское образование, Болонский процесс делает его менее доступным для основной массы населения.

Последнее, конечно, можно объяснить тривиальной борьбой элит за ограждение своих детей от необходимости вынужденного соперничества с талантливыми представителями социальных низов. Конечно, недобросовестной конкуренции никто не отменял, – однако, пока общество нуждалось в профессионалах, в квалифицированных специалистах, в знаниях и умениях, понятный элитный эгоизм был обречен на общественное порицание и политическое поражение. *И даже такой махровый аристократ, как Черчилль, считал важнейшей задачей своей политики наиболее полное выявление и реализацию талантливых представителей малообеспеченных слоев общества – для повышения мощи страны в глобальной конкуренции.*

Что же переломило ситуацию?

Что заставило возвратиться более чем на столетие назад, когда российская элита конца XIX века тоже начала успешно защищать себя от конкуренции “кухаркиных детей”?

2. Технологический прогресс: невозможен и не нужен?

Если самые различные общества, в том числе и наиболее передовые по уровню развития, начинают отсекают бедных от высшего образования, – это свидетельствует о ненужности для них технологического прогресса. В свою очередь, такая ненужность может быть вызвана либо кардинальным изменением характера конкуренции между обществами, либо столь же кардинальным ее ослаблением ее интенсивности.

На самом деле, как представляется, налицо обе причины – просто они действуют на разных уровнях современного человеческого общества.

Важнейшим результатом качественного упрощения коммуникаций, знаменовавшего собой начало глобализации, представляется формирование нового всемирно-исторического субъекта – глобального управляющего класса, или, по классической терминологии Ж. Аттали, “новых кочевников”.

Упрощение коммуникаций сплачивает представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) на основе общ-

ности личных интересов и образа жизни. Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца, но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. В силу самого своего положения “над традиционным миром” он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой.

Под влиянием этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах “новых кочевников” – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам традиционных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов. Таким образом, конкуренция – больше, правда, напоминающая прямое владение, контроль и насилие – драматическим образом изменилась и ведется сейчас между глобальным управляющим классом и территориально обособленными, существующими в прежней реальности обществами. *Поэтому, кстати, так неистова ненависть “мирового сообщества”, представляющего интересы этого господствующего класса, к обществам, не допускающим его контроля – современному Ирану, Югославии второй половины 90-х годов, Белоруссии, Северной Корее и некоторым другим.*

В глобализованном мире привычная конкуренция между странами ослабляется: они подчиняются одному “хозяину”. Ослабляется она и по другой причине – новый правящий класс опирается, как на свой хозяйственный фундамент, на глобальные монополии, которые “загнивают” в полном соответствии с представлениями традиционной науки. *(Именно их “загнивание”, проявляющееся как кризис перепроизводства продукции информационных технологий или, с другой стороны, нехватка совокупного спроса, и является содержанием современной экономической депрессии).*

Ограничение загнивающего монополизма возможно двумя путями. Первый – открытие (или приоткрытие) рынков внешней конкуренции – нереален: монополии обрели всемирный характер и внешних рынков по отношению к себе просто не имеют.

Второй путь – технологический рывок, при котором новые технологии, меняя лицо не только экономики, но и общества, в силу этого резко ограничивают масштабы и глубину монополизации. Глобальные монополии противодействуют ему (в том числе неосознанно): они стремятся остановить технологический прогресс, чтобы затормозить прогресс социальный и сохранить свое доминирующее положение.

Тем самым они являются важным фактором как торможения технологического прогресса (в первую очередь через превратившуюся в инструмент злоупотребления монопольным положением систему защиты интеллектуальной собственности), так и общей архаизации человечества.

Наконец, для наиболее развитых стран, непосредственно определяющих лицо современной системы образования (и характер науки), безусловно, значительно большую роль играло качественное ослабление конкуренции между различными обществами.

С концом “холодной войны” исчезло непосредственное ощущение прямой внешней угрозы, доктрина борьбы с внешними врагами за собственное выживание ушла, казалось, в безвозвратное прошлое. Это прекрасно, – но вместе со страхом физического уничтожения даже у самых развитых обществ исчез (или, по крайней мере, существенно ослаб) стимул ограничивать социальную недобросовестность собственных элит.

Другим ушедшим в прошлое с завершением “холодной войны” фактором общественного прогресса явилась сама необходимость технологического прогресса, – и по тем же причинам.

Ведь технологический прогресс в его наиболее чистом виде открытия новых технологических принципов (а не последующего их коммерческого при-

менения) не только принципиально вне рыночен, но и, более того, прямо антирыночен!

Поставьте себя на место инвестора: вы прекрасно сознаете, что не понимаете смысла того, на что ученые просят у вас ваши деньги. При этом весьма вероятно, что никакого результата получено не будет. Если же он все-таки будет получен – вы не знаете, когда это произойдет и, главное, каким именно будет этот результат!

Ясно, что простое осознание изложенного заставит всякого нормального инвестора бежать с переднего края технологического прогресса!

С коммерческой точки зрения финансирование стержня технологического прогресса – открытия новых технологических принципов – представляет собой абсурдно усложненный аналог выбрасывания денег на воздух. Заниматься этим можно исключительно под страхом смерти, – причем непосредственной и немедленной. Именно поэтому главным стимулом технологического прогресса являются военные нужды.

С концом “холодной войны” исчез массовый страх перед смертью – и с ним, как это ни печально, исчез и стимул технологического прогресса. Это звучит парадоксально на фоне потока все новых и новых электронных устройств, упрощающих (а все чаще и усложняющих) нашу жизнь, однако они представляют собой плоды коммерциализации технологических принципов, открытых в ходе “холодной войны”. В последние два десятилетия интенсивность фундаментальных открытий резко снизилась.

Впрочем, снижение потребности в технологическом прогрессе отражает и значительно более глубинное, более фундаментальное изменение, связанное с качественной сменой самого вектора человеческого развития.

На всем протяжении своей истории человечество развивается, – а точнее, развивалось, – преобразуя окружающий мир. Изменение природы, приспособление ее к своим нуждам было основным способом существования человека, искренне считавшего себя ее царем.

Однако с началом глобализации ситуация изменилась принципиально. Те же самые технологии, которые обеспечили максимальное упрощение всех и всяческих коммуникаций, превратили в наиболее прибыльный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания.

“Наиболее прибыльный из общедоступных” – значит “наиболее массовый”. Сегодня человечество неуклонно и стремительно переходит от трансформации окружающего мира к трансформации собственного сознания. Согревающая сердце экологичность этого подхода не должна заслонять принципиальную новизну сложившегося положения: на всем протяжении своей (как минимум, письменной) истории человечество еще ни разу не развивалось подобным образом!

Понятно, что это придает качественную новизну практически всем сферам человеческой жизни, в том числе и связанным с технологическим прогрессом.

Пока главным занятием человечества было изменение окружающего мира, – максимально точное и предметное знание об этом мире было ему крайне необходимо. Однако когда главным делом становится изменение самого себя, и в первую очередь своего сознания, картина меняется. Мощная наука, изучающая все сущее, уступает место манипуляторам, изучающим исключительно человеческое сознание и методы работы с ним.

Драматическое сужение предмета первоочередного исследования усугубляется отказом от научного подхода. Среди работающих с человеческим сознанием оказывается слишком мало ученых и слишком много узких практиков, заинтересованных в достижении конкретного результата, но никак не поиском истины. Их способности к познанию (а часто даже и к мышлению) легко и постоянно приносятся ими в жертву политической корректности, корпоративной лояльности, личному комфорту, административной целесообразности и миллионам других богов современного корпоративного язычества, поклонение любому из которых принципиально несовместимо с научным поиском.

Научное сознание, научный подход для данной системы мотиваций и восприятия окружающего мира становится попросту неактуальным, бессмысленным, ненужным. Соответственно, вместе с ними бессмысленными и ненужными становятся наука и образование в их классическом, привычном виде.

Весьма существенно и то, что превращение в основной объект воздействия человека его собственного сознания порождает огромное количество и

разнообразии “обратных связей”, просто-напросто снижающее познаваемость мира, а во многих значимых сферах делающее его принципиально непознаваемым для отдельной личности!

Осознание и принятие ограниченности возможностей человеческого познания (пусть даже не в принципе, а “здесь и сейчас”, применительно к данной личности в данных обстоятельствах) не просто порождает первобытное чувство беспомощности перед стихиями и не просто качественно снижает роль науки и образования. Оно меняет самоощущение общества.

Все это также способствует архаизации, в первую очередь через вырождение науки и образования, а в целом – через снижение социальной значимости знания как такового.

Однако и это вырождение – не более чем верхушка айсберга.

3. Компьютер: путь в мистику

Как ни парадоксально, социальный регресс порождается, среди других факторов, именно тем, что мы привыкли считать источником социального прогресса – прогрессом технологическим.

Воистину, “Мир наизнанку”*!

Символом технологического прогресса в последние четверть века заслуженно является компьютер. Его основная функция – формализация логического мышления и доведение его до совершенства, в принципе недоступного человеку. Примерным аналогом этого служит калькулятор, доведший до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. Мы еще застали время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик, но сегодня это умение человека выполняет любые арифметические действия, а нам остается лишь правильно сформулировать задачу.

То же самое, что калькулятор сделал с арифметикой, компьютер уже в обозримом будущем, – скорее всего, в ближайшее десятилетие – сделает с формальной логикой как таковой.

Эпитафия изобретателя знаменитого пистолета гласит: “Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными”. При помощи интернета компьютер, как когда-то кольт, уже уравнивает людей, – не по физическим силам, но по доступу к (увы, непроверенной и во многом заведомо недостоверной) информации. Вскоре он уравнивает их и по логическим способностям.

Это будет означать, что человеческая активность будет вытеснена в принципиально недоступную компьютеру сферу внелогического мышления. В первую очередь к внелогическому мышлению, конечно же, относится творческое, – и нам предстоит не только увидеть время, когда конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления, но и непосредственно участвовать в этой конкуренции.

Однако нельзя забывать, что подавляющее большинство людей не умеет пользоваться своими творческими способностями. Более того: управляющие системы не умеют обращаться с творческими людьми и потому, скорее всего, будут сдерживать массовое развитие творческих способностей, – хотя бы, как в позднем Советском Союзе, из чувства самосохранения.

В результате активность значительной, если не преобладающей, части человеческого общества будет вытеснена в сферу внелогического, но и не творческого мышления.

Такая сфера на сегодняшний день только одна.

Это – сфера мистики.

Рост мистических настроений уже сейчас является общемировой тенденцией. В России частота упоминаний соответствующих ключевых слов в интернете увеличивалась в 2005–2010 годы почти неуклонно и выросла в итоге минимум в 4 раза (по отдельным ключевым словам – в десятки раз).

В США на протяжении последних 20 лет (практически с момента распада Советского Союза) отмечается стремительный и охватывающий все социальные группы рост численности людей, убежденных в неизбежности наступле-

* См. более подробно: Деягин М., Шеянов В. Мир наизнанку: чем закончится экономический кризис для современной России? М., “Эксмо”, 2009.

ния конца света уже в течение их жизни. (В частности, численность секты, члены которой постоянно ходят с рюкзаками, чтобы иметь при себе все необходимое в случае конца света, превысила 1 млн чел.).

Потребность в мистике присутствует и в общественной жизни. В 60–70-е годы крупные корпорации (особенно японские и корейские) использовали для выработки лояльности у сотрудников воинские ритуалы. В последние 15 лет в среде топ-менеджмента крупных корпораций наблюдается отчетливая тяга к мистическим орденским ритуалам.

Фраза Сталина “партия – орден меченосцев внутри государства российского” все с большим пониманием воспринимается в структурах как корпоративного, так и государственного управления, а в самых различных обществах нарастает потребность в обретении лидера мистического типа.

Такой лидер действует внелогическим образом, ничего не объясняет, требует слепой веры – и непонятным, по сути дела, чудесным образом разрешает общественные проблемы. Потребность в нем есть далеко не только в истерзанной либеральными вивисекторами России – триумфальное избрание Обамы отражает колоссальную потребность в мистическом лидере американского общества – наиболее развитого в социальном отношении общества современности.

Помимо естественных причин (стихийной реакции общественного и индивидуального сознания на рост нестабильности и неопределенности), рост мистических настроений представляется в определенной степени индуцированным глобальными управляющими системами, исторически связанными прежде всего с США.

Причина, возможно, заключается в том, что исчезновение “советской военной угрозы” полностью разрушило всю систему самоидентификации Запада.

Во внешней политике это проявилось в исчезновении обоснования американского доминирования. Во внутренней политике проблема заключалась в исчезновении фундаментальной идеологической скрепы (страха перед нападением СССР), обеспечивающей единство общества и его подчинение, включая единство и подчинение общим интересам представителей элиты.

Логических оснований для сохранения прежнего положения, исключительно выгодного для американского управляющего класса, найти не удалось – скорее всего, их просто не было. Следовательно, надо было искать эти основания во внелогической сфере – при помощи создания новой системы управления, основанной на внелогическом, легко поддающемся манипулированию типе мышления – мистическом. А для этого надо было способствовать его распространению.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что интеллектуальным обеспечением работ по распространению мистического типа мышления как нового инструментария управления человеческим обществом занимается Институт сложности в Санта-Фе. Инициатором работ, насколько можно судить, является Фонд Рокфеллера, а в 2000-е годы – и Билл Гейтс вместе с Уорреном Баффетом; организационное и финансовое обеспечение работ осуществляется, скорее всего, преимущественно в рамках созданного ими “Хорошего клуба”).

Распространение мистического типа сознания отбрасывает человека на уровень до эпохи Просвещения. Главным достижением этой эпохи, осуществленной ею общественной революцией стало самоосознание отдельной человеческой личности, ранее воспринимавшей себя как элемент того или иного коллектива, как пересечение нескольких социальных систем.

Выделение индивидуальности из прежнего, слитно-роевого восприятия – главная заслуга Просвещения; распространение мистического сознания возвращает человеческую личность (за исключением некоторой части общественных элит) в прежнее состояние.

4. Светлое будущее: людоедство?

Технологический прогресс готовит нам и еще один весьма неприятный сюрприз.

Суть сегодняшнего мирового “кризиса”, являющегося на самом деле переходом человечества в некое новое, пока еще непонятное нам состояние, заключается в приспособлении социальных отношений, адаптированных к про-

шлым, индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным, в первую очередь информационным, технологиям.

Это приспособление может быть весьма болезненным — и отнюдь не только на фондовых рынках, но и в повседневной жизни миллиардов людей.

В частности, информационные технологии по своей производительности качественно превосходят индустриальные. Даже простое дополнение традиционного индустриального оборудования информационными технологиями (включая системы коммуникаций и принятия решений), как показывает практика, резко повышает их производительность, — с неожиданно неприятными социальными последствиями.

В самом деле: сравнительно низкая производительность индустриальных технологий делала их владельца зависимым от работников. Каждый человек был потенциальным источником прибыли — поэтому его надо было привлечь, обучить, поставить к станку и еще сделать так, чтобы он был всем этим доволен. Отсюда выросли идеи “благополучия для всех”, общество массового потребления и средний класс в его современном понимании.

Однако для постиндустриальных технологий, лишь первым этапом развития которых являются технологии информационные, характерно качественно иное отношение к рабочей силе. Ведь они значительно более производительны — и использующее их общество для производства прежнего количества материальных благ (воспринимаемых рынками и находящих спрос) нуждается в качественно меньшем количестве работников!

Общество, использующее преимущественно постиндустриальные технологии, нуждается в существовании элиты, обеспечивающей управление, научные исследования и культурную среду, а также относительно небольшого количества людей, непосредственно занятых производством.

Все остальные оказываются попросту лишними, подобно основной части населения России в парадигме “экономики трубы” (то есть полной переориентации на экспорт сырья, проведенной в рамках либеральных реформ). Они нужны лишь с точки зрения потребления, как генераторы необходимого экономике спроса, — но производить им попросту нечего, любой произведенный ими продукт будет лишним, так как не найдет спроса.

Соответственно, они не производят, но лишь потребляют, а точнее — претендуют на потребление. С точки зрения коммерческой эффективности это недопустимо, и объективная задача общества заключается если и не в физическом их уничтожении, то в социальной утилизации, то есть в максимальном ограничении масштабов их потребления, которое по определению непроизводительно.

При этом максимальный разрыв между низкой производительностью и высоким потреблением наблюдается у наиболее благополучной части человечества — среднего класса развитых стран (*это естественно, ибо огромные массы нищего населения стран Африки, арабского мира, Индии и Китая потребляют крайне мало*).

Соответственно, обострение указанного противоречия и нарастание объективной потребности в сокращении непроизводительного потребления давит в первую очередь именно на средний класс, на источник глобальных настроений благополучия.

Результат — “размывание”, а если называть вещи своими словами, обнищание среднего класса как одна из основных тенденций глобализации. Мы видим разные стадии этого чудовищного процесса на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и Латинской Америке, а в последнее десятилетие присутствуем при погружении в него США и, с заметным отставанием, “старой” Европы. На наших глазах глобальный финансовый кризис становится гомильщиком среднего класса наиболее благополучных западных обществ.

Сохранение прежней, коммерческой парадигмы развития вынуждает человечество решать людоедскую по сути своей задачу уничтожения значительных частей благополучных обществ. Понятно, что при этом произойдет глубокое преобразование и самих этих обществ, а с ними — и всего человечества (ибо они воплощают в себе сегодняшние представления об успехе всей остальной, неразвитой части человечества, являются овеществлением его мечты и осознанной целью его развития).

Прежде всего, совершенно неясно, что будет после социальной утилизации среднего класса развитых стран с их демократическим устройством — ибо

сегодня западная демократия формально представляет собой власть от имени среднего класса и в целях (с некоторыми оговорками) его благополучия; его рассасывание приведет к аналогичному рассасыванию самой традиционной западной демократии.

С точки же зрения экономики, а не политики, средний класс, пусть даже мало- или вовсе непроизводительный, генерирует ключевую часть спроса развитых обществ, необходимую для нормального развития их экономик. Его обеднение резко сократит спрос развитых стран – и, соответственно, сделает ненужными многие производства, столкнув не только развитые страны, но и весь мир в депрессионный штопор наподобие рубежа 20-х и 30-х годов прошлого века.

Чтобы избежать его, государствам придется либо искусственно поддерживать спрос, что в рамках коммерческой парадигмы развития описывается кейнсианской теорией и возможно лишь в течение ограниченного времени, либо поддерживать производство без учета сжимающегося денежного спроса, что вообще в принципе несовместимо с указанной парадигмой.

Таким образом, избежание депрессионного штопора в течение длительного времени объективно потребует отказа от коммерческой парадигмы развития, от ориентации на прибыль как главную цель развития человечества. Этот переход представляется неизбежным и, если он не будет осуществлен сознательно, он произойдет неосознанно, стихийно, через социальную катастрофу, связанную с утилизацией среднего класса, и вынужденную реакцию управляющих систем на ее последствия.

Однако сознательный отказ от коммерческой парадигмы развития в настоящее время представляется невозможным. С чисто теоретической точки зрения этот отказ будет означать замену мотива прибыли как главного мотива человеческой деятельности мотивом личного самосовершенствования, однако этот мотив (особенно по сравнению с мотивом прибыли) является слишком неопределенным и слишком слабым для того, чтобы стать значимым политическим фактором в современных условиях.

Не стоит забывать о том, что в рамках коммерческой парадигмы человечество развивается на протяжении почти всей своей истории. Значимая попытка вырваться за ее пределы была предпринята лишь советской цивилизацией, – но, несмотря на ее высочайшие достижения, историческое поражение СССР не вызывает желания двинуться по его следам.

Самое же главное заключается в том, что все ведущие участники процесса принятия решений сформировались и добились успеха именно в рамках коммерческой парадигмы развития и потому просто не могут представить себе своего существования в рамках какой бы то ни было иной парадигмы. Идея отказа от стремления к прибыли как главного мотива развития означает для них в прямом смысле слова идею социального (а иногда и физического) самоубийства и потому вызывает сильнейший отпор.

Это означает, что развитие человечества в обозримой перспективе будет осуществляться стихийным и, соответственно, разрушительным образом – через социальную катастрофу и вынужденную инстинктивную реакцию на нее.

Уничтожение среднего класса, пусть даже преимущественно социальное, а не физическое, приведет к резкой дегуманизации как управляющих систем (объективно вынужденных решать, по сути, людоедские задачи), так и обществ в целом (так как ценность человеческой жизни и в целом личности драматическим образом снизится).

Отказ от привычных для нас ценностей демократии и рынка будет означать огромный шаг назад – в “темные века” средневековья.

5. Природа сбросит ярмо человеческой цивилизации?

Понятно, что описываемая комплексная архаизация современного общества неминуемо вступит в жесткое противоречие со сложной и многообразной технологической инфраструктурой, созданной человечеством на прошлом этапе его существования, – во времена прогресса.

Регресс, как технологический, так и в первую очередь социальный, быстро сделает накопленную технологическую инфраструктуру непосильно сложной не только для управления, но даже для простого понимания.

Разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов даже для простого поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде.

Пример у всех перед глазами. Ключевыми причинами катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, насколько можно судить в настоящее время, являются длительная, длившаяся около полутора десятков лет экономия на авторизованном ремонте, а также прямое нарушение условий эксплуатации энергетического агрегата. В воспоминаниях первого руководителя Саяно-Шушенской ГЭС было прямо указано, что в результате несовершенного процесса изготовления уникальных гидроагрегатов ни на один из них нельзя было подавать нагрузку в 100% проектной мощности, а для наименее “удачного” предельная нагрузка составляла 92% от проектной мощности.

Катастрофа произошла из-за перегрузки именно этого агрегата. Возможно, чрезмерная нагрузка была вызвана увольнением со станции всех специалистов, по-настоящему разбирающихся в ее оборудовании (с их заменой на “эффективных менеджеров” всех мастей), так что оставшиеся в прямом смысле слова “не ведали, что творят”. Однако не менее вероятно, что сохранившиеся на станции специалисты были запуганы до такой степени, что предпочитали неприемлемый технологический риск, ставивший их на грань самоубийства, административному риску возражения безграмотным указаниям руководства.

Не стоит забывать и об архаизации, вызванной массовым притоком неквалифицированных, а часто и просто неграмотных гастарбайтеров, выгодных для бизнеса из-за своей нищеты и бесправия.

Их использование на высокотехнологичных работах, вызванное не только безнаказанной алчностью бизнесменов и коррумпированных чиновников, но и утратой ими минимальной технической грамотности, ведет к чудовищным катастрофам.

На одной из российских электростанций “ремонтники” умудрились приварить вращающийся ротор к неподвижным частям установки. Никто, обладающий техническими знаниями в пределах школьного учебника физики, не проверил их работу, энергоагрегат был пущен на полную мощность и, естественно, мгновенно и с большими разрушениями прекратил существование.

Строительство жилых домов, промышленных сооружений и коммунальных объектов во многом ведется по сложнейшим современным технологиям людьми, которые гарантированно не могут выполнять инструкции, — хотя бы потому, что не могут их прочитать. Результатом явилось несколько аварий и общее снижение надежности строительства, масштабы которого еще предстоит оценить.

В целом массовое использование рабского, по сути, труда гастарбайтеров исключает возможность применения современных технологий, так как делает их нерентабельными. Более того: нерентабельными в целом ряде случаев оказываются даже вполне примитивные технологии вроде использования экскаваторов для копания траншей: десяток гастарбайтеров делают эту работу дешевле.

Однако и в намного более благополучных странах, чем современная Россия, падение социальной значимости знания, ведущее к пренебрежению управляющими системами (как коммерческими, так и контролирующими) технологическими нормами безопасности, ведет к разрушительным техногенным катастрофам.

Классическими примерами этого представляются наводнение в Новом Орлеане (где местные власти долгие годы предупреждали федеральные о неизбежности прорыва дамбы — пока ее наконец не прорвало) и авария буровой платформы *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе (перед которой прошло довольно бурное обсуждение необходимости введения жестких норм регулирования безопасности, по итогам которого было решено, что корпорации сами способны обеспечивать должный уровень безопасности без раздражающего их государственного регулирования).

В России ярчайшим примером является реформа электроэнергетики, приведшая не только к катастрофическому удорожанию электроэнергии и фактическому распаду единой энергосистемы страны, но и резко снизившая ее надежность. Не стоит забывать, что уже через полтора года после начала ее практического проведения (в мае 2005 года) обыденный пожар на подстанции привел к длительному обесточиванию половины Москвы и значительного числа объектов, расположенных в четырех соседних регионах. При этом без электроэнергии оставались крупный нефтеперерабатывающий завод и ряд хи-

мических производств, что могло нанести экологии столичного мегаполиса непоправимый ущерб.

Последствия описанного представляются достаточно тривиальными: непредсказуемая, но при этом достаточно быстрая деградация крупных технологических систем и, соответственно, разрушительные техногенные катастрофы.

6. Человек не хочет становиться на четвереньки

Современное человечество находится, по сути дела, в тупике: объективно обусловленное торможение технологического прогресса ведет его к разрушительной архаизации, — но и развитие технологий (в частности, в виде технологий формирования сознания и современных компьютерных систем) ведет все к той же архаизации.

Тем не менее этот тупик фиктивен: выход из него открывает понимание того факта, что развитие технологий ведет к архаизации лишь при условии сохранения прежней, преимущественно коммерческой парадигмы человеческого развития.

Рыночные отношения, еще недавно бывшие двигателем технологического прогресса, на глазах превращаются в его оковы и потому должны быть преодолены.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать настойчивое и целенаправленное развитие технологий.

Человечеству жизненно, в самом прямом и непосредственном смысле этого слова, необходим кардинальный переворот в сознании, кардинальное изменение массового отношения к технологическому прогрессу. Он должен стать не средством достижения каких-то сиюминутных и прагматических целей вроде извлечения прибыли, каким он был на протяжении всего развития человечества, но категорическим императивом, самостоятельной, едва ли не нравственной сверхценностью.

Единственный способ разрубить гордиев узел современных глобальных проблем — от тотальной архаизации до массового злоупотребления своим положением со стороны глобальных монополий — форсирование технологического прогресса, что достижимо лишь на пути отказа от корысти как основной движущей силы человечества.

Мы видим, что деньги неуклонно теряют значение, уступая свою роль символа и инструмента достижения успеха технологиям. В отличие от денег, они неотчуждаемы, и потому основанное на них господство намного прочнее основанного на деньгах. С другой стороны, использование технологий сплошь и рядом осуществляется на нерыночных условиях, закрепляющих господство их владельцев. Технологии все меньше продаются и все меньше передаются — это проявление не только монополизма, но и ограничения рынка, признак того, что общественную роль, еще недавно выполняемую исключительно деньгами, все в большей степени начинают выполнять технологии.

Поразительно, но уже сейчас, когда никто еще в явном виде не ставит коммерческую парадигму развития человечества даже под сомнение, — стратегические решения, принимаемые самыми разными обществами, носят все более некоммерческий характер.

Вероятно, наиболее масштабным стратегическим решением 2000-х годов стала европейская программа перехода на альтернативные источники энергии к 2020 году, по которой доля последних должна быть доведена до 20%.

Между тем практически все альтернативные источники энергии в Евросоюзе (кроме ветряков в Нидерландах, солнечных нагревателей воды в южных странах и некоторых других) так или иначе дотируются государствами и потому являются принципиально нерыночными. Надежд на то, что к 2020 году ситуация принципиально изменится, практически нет, — и потому с сугубо коммерческой точки зрения указанная программа представляет собой декларацию неслыханного расточительства и потрясающее торжество лоббизма.

И расточительство, и лоббизм имеют место, но принятие этой программы вызвано иным: растущей ответственностью европейцев за сохранение климата и, с другой стороны, обострившейся потребностью общего, объединяющего всех дела.

Другое принципиально нерыночное решение – совершаемый в настоящее время Китаем технологический скачок. Замена старых технологий новыми в китайской структуре цен часто коммерчески не оправдана и с точки зрения извлечения прибыли является не более чем расточительством. Однако растущая нехватка воды и перспектива нехватки почвы и энергии заставляют огромную страну идти на рыночные риски ради технологического – подчеркнем это! – выигрыша.

Стратегические решения нового, принципиально некоммерческого типа принимаются, как мы видим, в сугубо технологических целях.

Да, это пока еще не гуманизм, не самосовершенствование человека, – но тем не менее это уже отход от коммерциализации, которая, становясь всеобщей и всеобъемлющей, становится тем самым и самоубийственной.

Вырываясь из оков рынка, человечество стремится к восстановлению технологического прогресса, надеясь на возвращение его гуманизирующей роли, надеясь на то, что технологии вернут и приумножат “благополучие для всех” и тем самым остановят все более пугающее сползание в варварство.

Упования на технологии против всемогущества рынка, при всей их наивности (как и любой надежды на лучшее будущее), представляются перспективными. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, превращающейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма**, если угодно – техносоциализма.

Сегодняшняя форма общественной и идейной борьбы – это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла и выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь – всего человечества без какого бы то ни было исключения.